

Слова Цинь Цзычу поразили его спутников. Ни Чжан Ли, ни крошечный Ин Чжэн, делившие с ним дорожный экипаж, никак не ожидали услышать подобное.

Чжан Ли, конечно, замечал необычный, даже грозный облик младенца. Но мальчик пока оставался лишь грудным ребенком в пеленках, и к чему приведут эти знамения в будущем — к добру или худу, — одному небу известно. В конце концов, деспот Чжоу, погубивший династию Шан, тоже родился меченым!

Решение, столь поспешно принятое Цзычу, казалось опасным легкомыслием.

Впрочем, Ин Чжэн приходился Цзычу родным сыном. Чужаку не следовало вмешиваться в дела семьи. Каким бы безрассудным ни казался этот шаг, Чжан Ли благоразумно промолчал, не желая вбивать клин между отцом и ребенком.

К тому же Цзычу был совсем молод. Разве сможет он всю жизнь обходиться без женщин? Стоит ему окружить себя лаской изнеженных красавиц, и у клана Ин обязательно появятся другие наследники. Чего зря тревожиться?

А вот сам Ин Чжэн воспринял слова мужчины как чистой воды издевательство. У Ин Ижэня в будущем родится не один сын!

Малыш сердито завозился и отвернулся, не желая слушать пустую болтовню. Пухлый детский зад приподнялся из-под одеяла. Цзычу не удержался — шутливо шлепнул кроху, со смехом укутал его поплотнее в подбитое волчьим мехом одеяльце, а затем внезапно припал к теплomu боку и звонко чмокнул сына, покотившись со смеху.

— И в кого ты у меня такой кругленький? Ну что за прелесть, — приговаривал Цзычу.

Он улегся рядом, скользнул ладонью под мех и принялся ласково поглаживать крошечную спинку. В его мягком голосе так и сквозила нежность.

Обиженный младенец, уверенный, что над ним снова потешаются, сердито отпихнул руку и перекатился на другой бок. Однако теплые длинные пальцы не отставали. Они скользили вдоль позвоночника, то поднимаясь к шее, то опускаясь к пояснице.

От этих неспешных поглаживаний по телу разлилась сладкая истома. Мышцы обмякли, и Чжэну захотелось отбросить гордость, прижаться к теплой ладони и сонно уткнуться отцу в грудь.

— Ой, неужели мы надулись? А-Чжэн, ну А-Чжэн... — зашептал Цзычу, утыкаясь носом в детское ушко.

Он прижался лбом к крошечному лобику. Кожа была прохладной. Убедившись, что у сына нет

жара, Цзычу облегченно вздохнул.

Поколебавшись, он бережно подоткнул края одеяла и осторожно убрал руку, решив не тревожить засыпающего ребенка.

Стоило ладони исчезнуть, как мальчик распахнул глаза и резко повернулся к отцу.

"Я не давал дозволения уходить. Как ты посмел забрать руку? Цзычу, ты задолжал мне слишком много ответов. Я запомню каждую твою недомолвку. Вот погоди, научусь говорить — и спрошу с тебя за все"

Темный, не по-детски пристальный взгляд этих необычных глаз с двойными зрачками заставил Цзычу оцепенеть.

— Ты... сердишься, что я убрал руку? — недоверчиво прошептал он. Сердце сладостно екнуло.

Он снова придвинулся ближе, устроил ладонь поверх одеяльца и принялся мерно, усыпляюще похлопывать малыша по животу. Цзычу не сводил с него глаз и с восторгом заметил, как напряжение постепенно сходит с детского личика, а тяжелые веки начинают подрагивать от усталости.

В конце концов природа взяла свое. Теряя остатки бодрости, кроха забавно покрутил головой, уткнулся пухлой щечкой прямо в теплую отцовскую ладонь и затих, погружаясь в глубокий сон.

Цзычу едва сдерживал ликование.

"Мой грозный будущий император, подозрительный с самых пеленок, наконец-то мне доверился! И даже уснуть не может без моих укачиваний. До чего же это чудесно!"

Счастливая улыбка не сходила с его лица. Предельно осторожно, стараясь не потревожить спящего, он перетянул сверток к себе и устроил сына у себя на груди. Ощущая сквозь ткань одеяла хрупкое тепло маленького тела, Цзычу почувствовал, как к горлу подкатывает ком нежности.

Устроившись поудобнее, он скосил глаза на молчавшего попутчика и тихо, едва шевеля губами, спросил:

— Учитель, те всадники позади... они отстали?

Чжан Ли осторожно прильнул к щели между суконной занавеской и рамой. Спустя мгновение он медленно, мрачно покачал головой.

Бросив взгляд на мирно спящего младенца, он прошептал:

— Странно все это, господин... Похоже, они идут за нами след в след.

У Цзычу перехватило дыхание, пальцы непроизвольно сжались.

Испугавшись, что сплющит ребенка, он спешно ослабил хватку и бережно развернул одеяльце, проверяя, не причинил ли вреда. Лишь убедившись, что с сыном все в порядке, он тихо выдохнул.

Виновато поцеловав кроху в мягкую щеку, он укутал его обратно и повернулся к Чжан Ли:

— Но почему? Сейчас, когда циньское войско подступает к границам Чжао, там царит суматоха. Кому сдался беглый заложник? Господин Лунъян никак не мог выследить нас так быстро. Неужели вельможи в Вэй и Чжао обмениваются вестями со скоростью птиц?

Чжан Ли задумался, но лишь неопределенно пожал плечами.

Лоб его прорезала глубокая складка. Помедлив, он вдруг расправил складки халата и усмехнулся:

— К чему гадать попусту? Я лицом не вышел, в отличие от вас, господин, — девичьих взглядов не привлекаю. Сойду у постоянного двора да расспрошу этих соглядатаев самолично.

С этими словами он без лишних церемоний выскользнул наружу.

Ин Чжэн, дремавший на груди отца, приоткрыл глаза. В прошлой жизни он был слишком мал, чтобы помнить подробности того похода, однако исход войны знал твердо: армия царства Цинь тогда вернулась ни с чем.

"Если эти всадники действительно как-то связаны с войной, то разгадка проста: перепуганные чжаосцы отправили послов в царство Вэй, умоляя о подмоге"

"А значит, едва покинув пределы Чжао, мы столкнулись на тракте с вэйским посольством"

Кроха искоса взглянул на мужчину.

"Он и понятия не имеет о таких вещах. Теперь сомнений нет: передо мной кто угодно, только не возродившийся Ин Ижэнь. Но чья душа заняла это тело?"

Погруженный в раздумья, мальчик неловко повернул голову.

Его щека мазнула по груди Цзычу, сквозь тонкую ткань рубахи губы наткнулись на мужской сосок, и Чжэн рефлекторно сжал челюсти. Сверху тут же донесся сдавленный, прерывистый выдох.

Младенец оцепенел. Его лицо вытянулось от неопишуемого ужаса. Осознание того, обо что именно он только что потерялся ртом, настигло его мгновенно.

"Я, великий правитель, только что присосался к груди собственного отца! Пусть душа в тени была чужая, но плоть-то принадлежала родителю!"

"Подобный позор превосходил даже то предательство, когда Сюй Фу, обобрав казну и забрав с собой сотни чистых юношей и дев, бесследно сбежал за море!"

— Проголодался, егоза? — раздался тихий смешок Цзычу. Он осторожно приподнял ребенка. — Ну и проказник. Нечасто ты ведешь себя как обычный ребенок.

Мужчина ласково потерялся своим лбом о лоб сына, а затем, приоткрыв кожаный полог, крикнул наружу:

— Позовите Чуньсин! Наш наследник проголодался.

Снова повернувшись к сыну, он легонько потеревил его мягкую мочку уха и тихонько поддразнил:

— Что, глазки прячем? Неужели у нас кто-то засмутился?

Застенчивость тут была ни при чем. Ин Чжэн пребывал в глубочайшем потрясении.

Растерянно облизнув губы, мальчик поднял взгляд на звук чужого голоса и встретился глазами с отцом.

Черты лица Цзычу отличались поразительной утонченностью. В его облике сквозило мягкое, почти женственное изящество, столь ценимое благородными мужами этой эпохи.

А когда этот взор лучился искренней нежностью, он напоминал прогретую полуденным солнцем озерную гладь. Смотреть на него было на удивление покойно.

Словно поддавшись наваждению, Ин Чжэн потянулся вверх и прижал крохотную пухлую ладошку к веку отца. Длинные ресницы Цзычу затрепетали, щекоча кожу. Мужчина улыбнулся еще шире, приоткрыв в ласковой усмешке ровные белые зубы.

— Господин, я все разузнал!.. — Полог кареты резко откинулся, и внутрь заглянул раскрасневшийся Чжан Ли. Однако он тут же осекся, удивленно воззрившись на представшую картину, и с мягким укором покачал головой: — Мой господин, нельзя же так баловать дитя. Маленький принц еще совсем глупый, ненароком ткнет пальцем в глаз — беды не оберетесь.

Цзычу удивленно моргнул, искренне не понимая чужого беспокойства:

— С чего бы вдруг? Мой А-Чжэн такой послушный и смысленный, он никогда не сделает мне больно.

Чжан Ли лишь вздохнул с беззлобной усмешкой:

— Каким бы умным он ни был, дети не умеют сдерживать порывы. На всякий случай поберегитесь, господин. Опустите его на сиденье и впредь будьте осторожнее во время таких забав.

Цзычу согласно угукнул, но про себя лишь отмахнулся.

"Мой маленький император — само очарование. Он понимает меня без слов! Из него никогда не вырастет несносный сорванец. Учитель Чжан Ли слишком тревожится по пустякам, мой мальчик рожден для великих свершений"

Он с улыбкой перехватил крохотную ручку сына и нежно зацеловал мягкие пальчики. Только после этого Цзычу поднял взгляд на гостя:

— Так о чем вы хотели рассказать, учитель?

Чжан Ли устроился на скамье напротив и заговорил тише:

— Да уж, умора. Наша великая армия еще даже не сошлась с чжаосцами в чистом поле, а вэйский правитель уже в панике шлет послов в Ханьдань. Уговаривает их, дескать, примите покорность на словах, чтобы избежать настоящей беды.

— Это как понимать? — недоуменно нахмурился Цзычу.

Чжан Ли ядовито усмехнулся:

— Наша держава крепнет с каждым днем. Прежде равным соперником нам был лишь циский Минь-ван. В свое время, кичась силой, он даже дерзнул провозгласить себя императором Востока, но тут же навлек на свою голову гнев остальных удельных князей. Коалиция разбила его войска, и в конце концов ему пришлось умерить гордыню и вернуть себе скромный титул вана. С тех пор в Поднебесной остался лишь один истинный гегемон — наша Цинь.

Чжао и Вэй связаны узами брака. Прослышав о наступлении циньских войск, молодой чжаоский правитель тут же отправил гонцов к шурина, моля о спасении. Однако вэйцы нынче слабы. Кроме дряхлого генерала Цзинь Би у них и воевать-то некому. Ссориться с нами вэйский ван страшится пуще смерти. Вот он и снарядил посольство в Ханьдань, чтобы убедить шурина признать нашего великого владыку верховным императором. Мол, уступите грозному соседу на словах, а сами затаитесь до лучших времен.

Цзычу едва сдержал хохот.

"Вэйский правитель просто шут гороховый! Нашел время для уступок"

"Пока Чжао и Вэй сохраняют независимость, у них развязаны руки. Но стоит им признать вассалитет, как они автоматически превратятся в подданных Цинь"

"А уж найти благовидный предлог и приструнить нерадивых слуг для нашего царства станет делом пары дней. Безумцы!"

"Вэйский ван от страха совсем рассудок потерял"

От переизбытка чувств Цзычу вслух выдал:

— Чем усерднее преклоняешь колени и раздаешь свои земли, тем быстрее тебя сожрут. Нелепая глупость!

— Что ты там вякнул?! А ну выметайся наружу! — внезапно прогремел снаружи яростный крик.

У Цзычу внутри все похолодело.

"Вот же черт... Доболтался на свою голову"

<http://bllate.org/book/18277/1750297>